

Тоска по уютному гнездышку

Театральное межсезонье – время размышлений и предчувствий

Елена Губайдуллина

В июле-августе московская театральная афиша съезжается до нескольких строк, грозя исчезнуть совсем. Так происходит каждый год независимо от погоды, банковских кризисов и прочих обстоятельств. Кто – на гастролях, кто – в отпуске. Пройдет месяц-другой, и у театралов снова закружится голова от вороха новехоньких афиш и анонсов. Премьеры, дебюты, обещания, надежды...

Все предсказуемо?

Опасная тенденция – предсказуемость – норовит проникнуть даже в самые рискованные театральные зоны. Нетрудно представить, как именно будут хулиганить в своих следующих постановках отъявленные маргиналы. Предсказать, чего ждать (или не ждать) от вчерашних дебютантов, удививших первой работой. И только серьезные опыты маститых режиссеров потребуют особого зрительского настроения. Неожиданности, кстати, чаще всего происходят именно в их спектаклях. Как правило, удивляют те, кого лучше знаешь и больше любишь. Не знаю, какими будут «Три сестры» в «Мастерской П. Фоменко» – одной из первых заявленных премьер сезона 2004/05 года. Но в том, что Петр Наумович и его актеры откроют в Чехове неожиданные мотивы и за-

читанную до дыр пьесу представят по-своему, не сомневаюсь. Все догадки и предсказания наверняка опровергнет и Марк Захаров в осенней премьерке Ленкома «Ва-банк» по «Последней жертве» Островского. Пьесы драматургов-классиков, как и прежде, окажутся в репертуарном большинстве.

То, что классика – неисчерпаемый кладезь идей как для спокойного театрального философствования, так и для самой безудержной режиссерской фантазии, подтвердил и минувший сезон. Одни постановщики ерничили над набившими оскомину хрестоматиями. Другие пытались докопаться до глубин много-много сложных произведений, выстраивая в параллель тексту мудреные сценические метафоры. Третьи погружались в медленное «театральное чтение» – с чувством, с толком, с расстановкой иллюстрировали знакомые зрителям пьесы, сохраняя смысловые акценты на привычных местах. Но какими бы разными ни были пьесы и их прочтения, в большинстве лучших спектаклей прошлого сезона звучали похожие темы – темы обретения дома и потери пристанища, стремления к оседлости и беспокойной перемене мест.

Месть Нины Чусовой

Действие многих спектаклей закручивалось вокруг конфликта, похожего на спор гостей и хозяев. Наиболее радикально и остро он разгорелся в спектакле «Сов-

ременника» «Гроза». Молодой режиссер Нина Чусова поставила пьесу Островского так, будто решила отомстить кому-то за свое школьное детство, безвозвратно потерянное на уроках литературы. Дерзкая, модная, нервная и чувственная Катерина (Чулпан Хаматова) воспоиздевается над «темным царством». Игнорирует замечания свекрови, курит прямо в лицо домочадцам, открыто смеется над домостроевскими порядками. Первому же порыву страсти отдается без тени сомнений. Каждый штрих, каждая деталь постановки, каждый шаг и жест подчеркивают – в доме Кабанихи Катерина чужая. Пришлое создание разрушает сложившиеся устои, уничтожает мир города Калинова, накликает грозу. В спектакле много броских эффектов, яркого гротеска. Неожиданно играет Кабаниху Елена Яковлева. Властная хозяйка может побить и очкариком-недотепой, и молодящейся дамой, и любящей матерью, терпящей рассудок, и жуткой ведьмой. А в конце концов оказывается жалкой жертвой вольной пташки Катерины. В версии Чусовой дерзкая грешница не бросается в Волгу, а просто переходит в другое измерение – карабкается в небеса по длинной лестнице-стремянке. Улетает, оставая на земле страшное пепелище.

Когда понятия определены и устойчивы, жизненные цели просты и ясны, а любые

проблемы не превышают бытовых мелочей – жить легко, но скучно. Так было у Кабанихи до появления в ее доме Катерины. По раз и навсегда заведенному порядку жил и герой чеховского рассказа «Скрипка Ротшильда» гробовщик Яков. Жил еще строже и еще скучнее. Этот страшный рассказ поставил в ТЮЗе Кама Гинкас, завершив трилогию по прозе Чехова (две первые части – «Черный монах» и «Дама с собачкой»). Аскетичная, строгая постановка не завлекает внешними эффектами. Интонации естественны, слова просты, паузы тяжелы и взвешенны. Из рассказа не вырвано ни слова. Тяжелую историю играют без крика и пафоса. «Скрипка Ротшильда» ничем не похожа на «Грозу» театра «Современник», но говорит о схожем. О воле и несвободе, о пропасти между бытом и бытием, о хрупкой грани между жизнью и смертью. Почему музыкант Ротшильд (Игорь Ясулович) всегда беспечен и счастлив? Почему гробовщик (Валерий Баринков), озабоченный бесконечными убытками, угрюм и мрачен, а его покорная жена Марфа (Арина Нестерова) умеет радоваться каждой малости? Почему один и тот же дом может для одного стать раем, а для другого – тюрьмой? Мир состоит из противоречий, населен несоместимыми людьми, вынужденными существовать на одном пятачке. Маститый Гинкас и молодая Чусова гово-

рят на разных театральных языках, но, по сути, размышляют об одном – о дисгармонии души, конфликте между своим и чуждым.

О ценности внутренней гармонии, о том, что семья и дом – превыше всего, размышляет Сергей Женовач, выпустивший в прошлом сезоне «Белую гвардию» Михаила Булгакова на сцене МХАТ им. А.П. Чехова. Уютная квартира Турбиных – единственное спасительное место в революционном Киеве. Спектакль Женовача – о простом и вечном, о людях, созданных для неспешной жизни, а не для подвига. Меняется власть, меняется время, уходят близкие. Но красавица Елена так же накрывает на стол, светит лампа под родным абажуром, гости незлобиво шутят, а за стеной чей-то неумелый лапелец выстукивает по клавишам рояля вальс из «Фауста». Так было в детстве Турбиных. Так будет всегда. Будет елка, Рождество, жизнь продолжится, несмотря ни на что.

Теплый дом в холодном городе

Тема жилища и дома воплощается в театрах наглядно. Живописные декорации уступают место декорациям архитектурным. Сценографы то выстраивают многоуровневые метафорические пространства, возводят дома размером с целый город, то умудряются разместить в одной комнате города и даже страны. Многооком чудовищем предстает Калинов в «Грозе» – Александр Бродский замкнул сцену «Современника» унылыми стенами многоэтажек, опоясав их переходными и лестницами. Непоседливые герои спектакля поминутно оставляют устойчивые подмошки, карабаются то вверх, то вниз. А роковое свидание Катерины и Тихона и вовсе происходит на голубятне, водруженной почти под колосники.

Основная фактура «Скрипки Ротшильда» – светлое, свежеструганое дерево. Стволы, доски, гробы – страшная продукция угрюмого Якова. Но у художника Сергея Бархина картина получается теплой и не страшной. Гробы похожи на лодки, скворечники, сказочные домики, а сценография в целом напоминает призрачное небытие.

Пространство «Дней Турбиных», придуманное Александром Боровским, расколото на две части. Холодный, враждебный город (чугунный мост, ряд фонарей) перекроен и сдвинут по диагонали. Внизу – мягкие очертания турбинской квартиры. Мебель теснится в углу, люстра оказывается на фанерном столбе. Дома – тепло, любовь, добро. На улице – страх, война и холод. Границ почти нет.

А в постановке Театра-студии п/р О. Табакова «Дядя Ваня», представленной под конец сезона на основной мхатовской сцене, главным героем и вовсе становится как таковой (художники – Олег Шейнис и Алексей Кондратьев). От кулисы к кулисе расположилась широкая терраса, большие окна то закрывают, то открывают внутреннее пространство

Почему люди не летают? («Гроза» в постановке Нины Чусовой)

комнаты. На авансцене – узкие ступени, сбоку – лестница в верхние покои. Постановщик спектакля Миндаугас Карбаускис избегает свободы мизансцен. Актеры – словно фигуры, переставляемые из модуля в модуль. Усадьба угнетает, душит, давит. Но жестко заданное архитектурное пространство порой подсказывает живописные эффекты. Картинно выглядит фигура Серебрякова, пронзающего монолит у раскрытого окна. Ни дать ни взять – живой портрет в оконной раме. Олег Табаков играет респектабельную важность и гнетущую тоску. Время профессора ушло, молодые никогда не примут его в свой круг, для них он – все равно что ценный музейный экспонат. Можно удивляться и восхищаться, но общаться и любить такого нельзя. В любом, самом гостеприимном доме ему суждено всегда быть чужим.

Тоска по уютному гнездышку пронзительно прозвучала и в камерном, очень стильном спектакле театра «Около» «Лестничная клетка». Лилия Загорская поставила пьесу Людмилы Петрушевской чутко и тонко. Вместе с художницей Надеждой Бахваловой превратила советский быт в фантазмагорию, бедность – в оригинальное чудачество. Одинокaя женщина желает познакомиться и

ждет серьезных отношений. Бравые молодцы, явившиеся по наводке некоей сводни, ищут развлечений и открывают чудачке глаза на окружающий абсурд. Ключ забыт, обшатаются на лестничной клетке (на крохотной сцене театра «Около» работает даже настоящий лифт). В финале расходятся восвояси, и все кончается ничем. Простой, понятный текст Петрушевской звучит как ироничный эскерсис Ионеско, заканчивающийся чеховским многоточием. А старая песня о том, как «раскинутся просторы», незлобиво подтрунивает над теснотой лестничной клетки.

Слишком яркая «Чайка»

Зато последняя премьера Театра им. Моссовета шеголеет поистине роскошными просторами. Андрей Кончаловский поставил «Чайку» с кинематографическим размахом, пригласив в постановочную команду знаменитого итальянского сценографа Эддо Фриджеро и тонкого знатока модерна художника по костюмам Рустама Хамдамова. В спектакле есть стиль и атмосфера чеховской эпохи, есть нервный современный ритм, есть колдовское озеро с шикарными стереопейзажами, есть и душевные комнаты, из которых некуда деваться. Есть скука и творчество, манерное кривляние и детская естественность, на-

вязчивый быт и жажда праздника. Сложный клубок противоречий есть в каждой великой пьесе, и каждый режиссер распутывает его в соответствии с поставленными перед собой задачами. «Каждый пишет как хочет и как может», – говорит чеховский Тригорин. Каждый ставит так, как видит и думает. Кончаловский затеял рискованную игру с театральными преувеличениями – где-то спародировал немое кино, где-то – старое провинциальное актерствование. Но выбранный стиль выдержал от начала до конца. Спектакль категорично обруган московской критикой, в защиту прозвучало лишь несколько здравых голосов. Слишком громкую, слишком яркую и броскую «Чайку» задвинули на задворки рейтингов.

Баллы, оценки, таблицы, линейки, общие знаменатели и средние арифметические только на первый взгляд ведут к определенности, а на самом деле еще больше запутывают. Но пройдет несколько недель, забурлит московская театральная жизнь, и снова пойдут те же споры, выстроятся новые рейтинги, игра продолжится по тем же правилам. Возможно только, что к старым, известным и опытным игрокам прибавятся новые. И неожиданностей в следующем сезоне окажется чуть больше.

Профессор Серебряков тоскует («Дядя Ваня» в постановке Миндаугаса Карбаускиса)